

фов здесь необходимо. Именно они должны подсказать практикам, какие элементы традиционной народной культуры нужно принимать во внимание, на что опираться, с чем и как бороться, не оскорбляя нравственного и эстетического сознания населения и вместе с тем не идя на поводу у отсталых и ложных представлений. А для этого нужно нам самим преодолеть иррациональные табу слов и не уклоняться от изучения этносоциологической тематики под предлогом ее «неприличности».

М. В. Осорина

**СОВРЕМЕННЫЙ ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР КАК ПРЕДМЕТ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИИ
[к проблеме этнографии детства]**

Предложенная И. С. Коном этносоциологическая программа изучения детства¹ представляет большой теоретический и практический интерес для исследователей. Появление такой программы, учитывающей современные достижения различных дисциплин, существенно поможет систематизировать сбор материалов, объединить усилия (этнографов, фольклористов, социологов, психологов) в изучении детства как сложного психосоциокультурного феномена.

Вопрос о необходимости комплексного изучения жизни и быта детей разных социальных слоев и разных национальностей нашей страны, их языка, игр, забав, занятий, фольклора, доступных детям форм трудовой деятельности ставился в советской науке еще в 20-х — начале 30-х годов. Насущные потребности строительства новой жизни, отношение к детям как к одной из важнейших опор будущего общества привело к заметной активизации попыток этнографов, фольклористов, психологов и педагогов глубже проникнуть в мир детства, понять его законы, для того чтобы на их основе целенаправленно воспитывать нового человека.

К этому времени относится серия интересных работ Г. С. Виноградова по детскому фольклору², деятельность О. И. Капицы по собиранию, изучению и популяризации детского фольклора³, создание ею Комиссии по детскому фольклору, быту и языку при Государственном Русском географическом обществе в 1927 г., публикация сборника «Детский быт и фольклор»⁴. В поисках путей развития новой школы, обоснования социалистической системы воспитания естественно было обратиться и к сокровищнице народной педагогики, к фольклору как важному фактору воспитания детей в традиционной культуре. Проблема воспитания в коллективе и посредством коллектива способствовала утверждению нового взгляда на ребенка как активное социальное существо, повышению внимания педагогов и психологов к социальной жизни детских групп. В частности, одной из интересных моделей для исследования процессов в неконтролируемых взрослыми, стихийно складывающихся детских объединениях оказались беспризорники.

Со второй половины 30-х годов исследования детства в советской науке все более приобретают узко-педагогическую направленность. Работа в области изучения детского фольклора, быта и языка приостанавливается.

¹ *Кон И. С.* Этнография детства. (Проблемы методологии).— Сов. этнография, 1981, № 5, с. 3—13.

² *Виноградов Г. С.* Русский детский фольклор (Детские игровые прелюдии). Кн. 1, в. 1. Иркутск, 1930; Детская сатирическая лирика. Иркутск, 1925; Детский фольклор и быт (программа наблюдений). Иркутск, 1925; Детский народный календарь. Иркутск, 1924, и др.

³ См. *Шапвалова Г. Г.* Изучение детского фольклора Ольгой Иеронимовной Капицей.— В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. В. IV. М.: Наука, 1968, с. 149—163.

⁴ Сб. Детский быт и фольклор. Л., 1930.

Медленно и постепенно готовилась почва для формирования современного взгляда на ребенка как на сравнительно самостоятельного и активного социального индивида, представляющего собой не только объект воспитательных воздействий со стороны взрослого, но и субъект познания и общения, носителя и творца собственной субкультуры.

Попытки ближе прикоснуться к миру детей как особой группы, живущей в рамках большого социума, понять его изнутри через такие формы коллективного самовыражения, как детский фольклор, сталкивались с трудностями объективного и субъективного порядка.

Объективные сложности были связаны с общим уровнем и направлением развития наук о ребенке и в особенности психологии. Долгое время в советской психологии основное внимание было сосредоточено на взаимоотношениях взрослый — ребенок. Однако в последние годы положение изменилось. Характерное для современной психологии смещение акцента на проблемы социализации ребенка в группе детей, на роль общения со сверстниками в формировании личности, удовлетворении ее социальных потребностей⁵ способствовало созданию научно-психологической основы для исследований детского фольклора, соответствующих современным знаниям и запросам. Так, становится понятно, что в качестве носителя детского фольклора надо изучать не отдельно взятого ребенка, а детскую группу как целостный социальный организм. И анализировать следует не совокупность отдельных текстов, а их сложную функциональную систему, играющую важную роль в регуляции жизни группы.

Такой подход расширяет наше представление о детском фольклоре и его значении в формировании ребенка как члена общества, позволяет поставить ряд исследовательских задач междисциплинарного характера, о которых пойдет речь ниже.

Субъективные сложности, заметно искажавшие объективность и беспристрастность в изучении детского фольклора, связаны как с особенностями установок и даже предубеждений исследователя-взрослого, так и со специфическими чертами предмета изучения.

Очень долго среди исследователей детского фольклора во всем мире господствовала нормативно-педагогическая установка, опосредовавшая восприятие, понимание и отбор того своеобразного материала, с которым им приходилось сталкиваться. Стереотипные образы ребенка, бытующие в массовом сознании, жесткие представления о правилах поведения «нормальных» детей, непонимание половозрастных особенностей детского мировосприятия, утверждение примата иерархических отношений «взрослый — ребенок» определяли снисходительно-высокомерный взгляд особенно на те стороны коллективного творчества детей, которые несут на себе наиболее яркий отпечаток специфически детских представлений о мире и людях, моральных суждений, юмора. «Педагогизированное» сознание исследователя, не сумевшего отрешиться от своей позиции взрослого, часто не позволяло ему разглядеть те формы детского творчества, которые считались нежелательными («страшилки», «неприличный» фольклор), несуществующими (детская «магия») или неверно истолковывались («дразнить — нехорошо», «пародия — оскорбление высоких чувств»). Это привело к тому, что в наших знаниях об отдельных жанрах детского фольклора есть большие пробелы. Так, например, долго не записывались «страшные» рассказы русских детей⁶, крайне мало известно о детской магии⁷, сравнительно недавно, в 60-е годы, за рубежом началось активное собирание и изучение детских шуток и анекдот-

⁵ См., например: Лисина М. И. Общение детей со взрослыми и сверстниками: общее и различное.— В сб.: Исследования по проблемам возрастной и педагогической психологии. М.: НИИОП, 1980, с. 3—32.

⁶ Гречина О. Н., Осорина М. В. Современная фольклорная проза детей.— В сб.: Русский фольклор. Фольклор и историческая действительность. Т. XX. Л.: Наука, 1981, с. 96—106. Собираение и исследование «страшилок», начатое в середине 1960-х годов О. Н. Гречиной и М. В. Осориной, было продолжено в работах других авторов (см., например, Мамонтова Г. И. Культурно-исторические и психологические основы жанра страшилок.— В кн.: Сибирский фольклор. Новосибирск: НГПИ, 1981, с. 55—62.

⁷ Virtanen L. Children's Lore.— Studia Fennica 22, Helsinki, 1978.

тов⁸, появились публикации о потаенном эротическом фольклоре детей⁹. Интерес к современному детскому фольклору сейчас настолько велик, что один из ведущих американских фольклористических журналов «Western Folklore» посвятил ему специальный выпуск¹⁰.

Подход к детскому фольклору с точки зрения узко-педагогических оценочных представлений приводил некоторых исследователей к отрицательной характеристике этого явления в целом («грязные жестянки и черепки», которыми «пробавляются» дети, по выражению А. Кайева¹¹), когда ставился вопрос о праве детского фольклора на существование.

Трудность беспристрастного подхода к детскому фольклору усугубляется еще и тем, что характерной чертой современной детской традиции является ее демонстративное противостояние «правильному» и нередко подавляющему миру взрослых и даже пародирование этого мира, позволяющее детям почувствовать свою самостоятельность, утвердить собственные нормы и ценности. А оттенок таинственности — непохожести и отрешенности, которым дети часто пытаются окрасить свой игровой мир, выделить его из обыденной жизни (тайные языки, шифры, необычные места сборищ), помогают стремлению ограждать этот мир от взоров взрослых. Известные английские исследователи детского фольклора А. и П. Опи, несколько утрируя положение, считают даже, что фольклорист и этнограф, не пройдя и мили от своего дома, могут изучать процветающую и не осознающую себя детскую культуру, не замеченную «цивилизованным» взрослым миром, как какое-нибудь племя аборигенов в глубинах естественной резервации¹².

Попытка рассмотреть детский фольклор как предмет изучения прежде всего наталкивает на необходимость определения этого понятия. До сих пор не решен спор, возникший в 20-е годы между Г. С. Виноградовым, считавшим, что к детскому фольклору надо относить только тексты, бытующие в среде самих детей¹³, и О. И. Капицей, включавшей в это понятие и колыбельные песни, пестушки, потешки, созданные взрослыми для детей¹⁴.

По нашему мнению, имеет смысл определять отличия фольклора для детей от собственно детского фольклора на основе функциональных критериев, прежде всего коммуникативных.

С коммуникативной точки зрения, тексты фольклора для детей обслуживают иерархизованные и однонаправленные взаимоотношения взрослый (В) → ребенок (Р). Взрослый является основным носителем текстов, которыми он делится с ребенком в определенных целях. Маленький ребенок повторяет потешку, только если он хочет продемонстрировать взрослому свои знания, вызвать его на контакт и исполнение любимого ребенком текста. Старшие дети используют произведения фольклора для детей в том случае, если они сами занимают «взрослую» позицию, выполняя родительскую роль по отношению к маленькому ребенку (например, девочка-няня).

В структуре отношений В—Р, особенно в течение первых трех лет жизни, когда вся деятельность ребенка опосредована его общением со взрослым, фольклор для детей облегчает эти контакты и функционально используется взрослыми в следующих целях: 1) успокаивание ребенка — заговаривание боли, колыбельные песни; 2) активизация ребенка — общее возбуждение, поощрение к движению, хождению, говорению (пе-

⁸ McCosh S. Children's Humor. L., etc.: Granada Publishing, 1979.

⁹ Legman C. The Horn Book. New Hyde Park (N. Y.): University Books, 1964.

¹⁰ Grider S. A. (Ed.). Children's Folklore.— Western Folklore, v. XXXIX, № 3, 1980 (Special Issue).

¹¹ Кайев А. К характеристике современного устно-поэтического творчества детей.— Уч. зап. Орехово-Зуевского педагогич. ин-та. М., 1958, т. IX (кафедра литературы, в. 3), с. 89—134.

¹² Opi I. & P. Lore and Language of Schoolchildren. (L.): Paladin, 1977.

¹³ Виноградов Г. С. Русский детский фольклор.

¹⁴ Капица О. И. Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение, собиране, обзор материалов. Л., 1928. Той же точки зрения придерживается Г. А. Барташэвіч (см. ее: Вершаваныя жанры беларускага дзіцячага фальклору. Мінск: Народна освіта, 1976).

штушки и т. д.); 3) дидактические цели — освоение названий частей тела, предметов окружающего мира, развитие фонетики, обучение счету, обеспечение совместных действий взрослого и ребенка (игры, пестушки, потешки, прибаутки); 4) забава и развлечение — игры, прибаутки, небылицы.

Итак, одна из двух основных метафункций фольклора для детей состоит в целенаправленном обеспечении общения взрослого с ребенком. Исполнение пестушек и потешек, прибауток и небылиц, песен и других текстов включается в решение многих коммуникативных задач: так взрослый вызывает ребенка на общение, отвлекает при выполнении неприятных процедур, создает своего рода аккомпанемент телесному общению с ребенком, превращая его в игру, снимая напряженность. Все это помогает ритуализации ежедневных бытовых форм взаимодействия взрослого с ребенком, закрепляет способы выполнения определенных действий, разграничивает события в текущем опыте ребенка, организует обыденный опыт, структурирует для ребенка время.

Второй важнейшей метафункцией фольклора для детей можно считать приобщение ребенка к культуре, к определенным культурным текстам, которыми равно владеют и взрослый и ребенок. Через радостное чувство узнавания («и я это знаю!») у ребенка формируется ощущение причастности, включенности в мир иллюзорного равенства со взрослым. Фольклор для детей на раннем этапе жизни ребенка является, видимо, одним из важнейших механизмов «обучения культуре»¹⁵. В фольклорных текстах ребенку рисуется простейшая модель мира, первично структурируются время и пространство (например: теплый дом — защита и темный лес, куда может унести серый волчок), намечается схема расстановки сил, олицетворенных в образах персонажей, и основные отношения, в центре которых находится сам ребенок, а его имя вставляется в текст имярек. Таким образом, взрослый вводит ребенка в окружающий его одушевленный мир и в общество людей, среди которых ребенку определяется место. Одновременно происходит усвоение норм поведения (не плакать, засыпать вовремя и т. д.), запретов и возможных кар за их нарушение, т. е. правил, регулирующих взаимоотношения между взрослым и ребенком. Естественно, что тексты фольклора для детей несут в себе тот образ ребенка и то отношение к детям, которые существуют в культуре взрослых.

Остается мало изученным восприятие современным ребенком, особенно городским, традиционного фольклора, в том числе и иноэтнического¹⁶, весь строй которого столь далек от современной жизни. Исследование этой проблемы позволило бы сделать интересные наблюдения о том, как формируется образная система собственного детского устного коллективного творчества, как закрепляются мотивы и формы, обнаруживающиеся потом в разных пластах детской традиции.

Чрезвычайно интересно с точки зрения этнографа, фольклориста, социолога, психолога рассмотреть значение и место фольклора в воспитании детей в урбанизированном обществе. Традиционный фольклор для детей продолжает насыщать культурную среду нашего городского ребенка-дошкольника в большей степени, чем какой-либо другой возрастной группы городского населения. Существенную роль играют культурные стереотипы отношения к фольклору как инструменту воспитания: фольклорное, народное воспринимается взрослыми как пригодное, полезное и близкое детям. Кроме того, родители испытывают жизненную потребность в песенках, потешках, пестушках, сказках, так как они необходимы для налаживания контактов с ребенком. Однако приобщение к фольклору носит иной характер, нежели это было в традиционной народной культуре, так как чаще всего взрослые заимствуют тексты из многочис-

¹⁵ О проблеме см.: *Лотман Ю. М.* Проблема «обучения культуре» как ее типологическая характеристика. — В сб.: *Труды по знаковым системам*. Т. V. Тарту: Изд-во Тартуск. ун-та, 1971, с. 167—177.

¹⁶ См. *Чистов К. В.* Японская сказка и русский читатель. — *Сов. этнография*, 1978, № 3, с. 155—162.

ленных изданий переработанных для детей фольклорных произведений. В качестве источника фольклорных текстов для ребенка выступает уже не сам взрослый, а книга, появляется ритуал чтения («Мама, почитай!»). Книга как посредник в общении в определенной степени отчуждает взрослого от ребенка, ребенка от текста. Нарушается спонтанность исполнения, оттого, что взрослый часто не помнит текста и не может его мгновенно воспроизвести применительно к ситуации (например, чтобы рассказать ребенку сказку про волка и семерых козлят, взрослый должен ее сначала прочесть). Итак, структура коммуникативной ситуации становится литературной, хотя передаются фольклорные по содержанию тексты¹⁷.

С точки зрения современной психологии для правильного развития личности ребенка, его эмоциональной сферы, умения вступать в контакт с окружающими людьми принципиально важно непосредственное общение с близким человеком, которое не может быть компенсировано никакими формами безличной коммуникации (телевидение, радио, прослушивание пластинок и т. д.). Устное рассказывание в той или иной форме всегда будет присутствовать в воспитании маленьких детей. В связи с этим особенно интересна та нарративная атмосфера, в которую погружен современный дошкольник. И в деревне, и тем более в городе все реже рассказывают детям сказки, их обычно читают. Однако многие родители рассказывают мемуары о своем детстве, творческие сказки-сериалы собственного сочинения¹⁸, пересказывают истории из книг. Исследование устной среды первых лет жизни ребенка может прояснить некоторые детали в широко распространенной фольклорной прозе детей младшего школьного возраста, особенно «страшных» рассказах.

Используя те же критерии, что и при рассмотрении фольклора для детей, попробуем выделить наиболее значимые функциональные характеристики собственно детского фольклора. Специфика коммуникативной функции оказывается при этом важнейшим отличительным и базовым признаком, на основе которого можно выделить само понятие «детский фольклор» и рассмотреть это явление с разных точек зрения.

Отметим, что фольклор для детей, будучи важным фактором общения взрослого с ребенком, никогда не вторгается в сферу одноуровневых отношений ребенок (*P*) — ребенок (*P*). Взрослый через фольклор не опосредует и не учит ребенка общению с другими детьми. Однако известно, что если в период раннего детства (0—3 года) ребенок преимущественно включен в парное общение со взрослым и в основном находится в позиции ведомого, то в дошкольном возрасте он начинает все активнее строить отношения «на равных» со своими сверстниками. Дети начинают играть не рядом, но вместе, возникает необходимость в других детях как компаньонах для игры, развиваются ролевые игры, потом в репертуаре детей появляются сложные игры «с правилами» (пятнашки, прятки, казаки-разбойники и т. п.), рассчитанные уже на группу участников. Игровая деятельность становится ведущей в жизни ребенка дошкольного возраста.

Общаясь со сверстниками, ребенок познает и оценивает себя в сравнении с другими и впервые начинает осознавать, насколько его положение в группе детей зависит от его собственной активности и личностных свойств, а не дано ему, как это было в семье. Группы сверстников, формальные (группа детского сада, школьный класс и т. п.) и особенно неформальные, спонтанно складывающиеся (игровые, дворовые и т. п.), являются чрезвычайно важным фактором социализации ребенка и удовлетворяют его растущие социальные потребности: в общении, в информации, в эмоциональном контакте, в совместной деятельности и т. д., формируя чувство принадлежности, столь необходимое для становления личности как члена общества.

¹⁷ Чистов К. В. Специфика фольклора в свете теории информации.— В кн.: Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975, с. 26—43.

¹⁸ Родари Дж. Грамматика фантазии: Введение в искусство придумывания историй. М.: Прогресс, 1978.

Большой развивающий потенциал заложен также в обычной для спонтанных групп неоднородности возрастного состава участников, так как разница в 1—3 года оказывается важным условием социального научения и передачи опыта детьми от одной возрастной когорты к другой. Этот опыт включает в себя знание игр и их правил, привычных забав и шалостей, норм поведения и конкретных форм социального взаимодействия (как распределить роли в игре, как пресечь нежелательное поведение другого, как отстаивать свои права, как привлечь к себе внимание и т. д.). Все это можно обозначить термином «детская традиция», достаточно широким и неточным, однако часто используемым в литературе по этнографии детства, в том числе детской игры, детскому фольклору¹⁹. Определим понятие *детская традиция* как совокупность разнообразных форм активности детской группы, имеющих тенденцию повторяться из поколения в поколение детей и тесно связанных с половозрастными особенностями психического развития и характером социализации детей в рамках данной культуры. Типичное для зарубежной этнографии и фольклористики расширительное толкование детского фольклора приводит часто к отождествлению его с детской традицией и к синонимичному употреблению этих терминов. Поэтому в работах по детскому фольклору, например, в классических книгах англичан А. и П. Опи «Фольклор и язык школьников»²⁰, «Детские игры на улице и на игровой площадке»²¹, всегда есть главы, посвященные традиционным детским шалостям (в прошлые века английские мальчики стучали дверными молотками у чужих подъездов и убегали, теперь — нажимают на все звонки, сбегая вниз по лестнице), детским граффити (надписям и рисункам на стенах домов, метро, школьных уборных) и другим формам активности детской ватаги, которые наследуются от поколения к поколению детей, существуют иногда на протяжении столетий, но в то же время не являются «детским фольклором» в прямом смысле этого понятия. С другой стороны, более узкое понимание детского фольклора как только устного и только словесного коллективного творчества детей, характерное для нашей фольклористики, приводит к тому, что многие формы традиционного самовыражения детской группы оказываются незамеченными и не описываются.

Нам кажется, что проблему можно снять, если попытаться установить логические отношения между двумя понятиями и рассмотреть *детский фольклор* как способ объективации детской традиции, как язык детской «субкультуры». Действительно, с семиотической точки зрения детский фольклор можно назвать «языком», поскольку он является материальным носителем элементов детской традиции, закрепленных в корпусе текстов (считалки, игры, дразнилки, шутки, анекдоты, «страшные» рассказы и т. д.), надличностен, выполняет функцию передачи информации, обеспечения общения и регуляции деятельности детской группы, т. е. информационную, коммуникативную и регуляторную функции, присущие языку.

С коммуникативной точки зрения детский фольклор прежде всего оказывается важным инструментом межличностного общения детей в группе, помогающим ребенку достичь социальной компетентности. Не имея еще большого социального опыта, ребенок вынужден, однако, вступать в разнообразные отношения с детьми своего возраста, старшими и младшими: он знакомится с ними, играет и забавляется, ссорится и мирится, отстаивает свои права и помогает другим, дружит и враждует. Детский фольклор вооружает каждого ребенка готовыми формулами и текстами, позволяющими ему с успехом действовать в тех сложных, но типичных коммуникативных ситуациях, с которыми ребенок не справился бы самостоятельно, не найдя вовремя нужного ответа. Характерным

¹⁹ См., например, *Schwartzman H. B. Transformations: the Anthropology of Children's Play*. N. Y.—L.: Plenum Press, 1978.

²⁰ *Opie I. & P. Lore and Language of Schoolchildren*. (L.): Paladin, 1977.

²¹ *Opie I. & P. Children's Games in Street and Playground*. Oxford: Oxford University Press, 1969.

примером своеобразной тренировки и демонстрации социальных умений, обеспечиваемой фольклорными текстами и регулируемой определенными правилами, являются традиционные перебранки при встрече соперников, представителей двух враждующих групп или просто мальчиков и девочек.

Интересный анализ того, как и зачем дети дразнят, проделанный Лееа Виртанен²², показал, что нельзя прямолинейно утверждать, что дразнилка — только форма словесной агрессии, а потому негативное явление, с которым надо бороться²³. Оказывается, дразнение имеет много функций в детском коллективе. Оно может выражать желание установить контакт или потребность внести драматический элемент в обыденную жизнь, оно представляет собой традиционный способ унижения врага, но может быть всего лишь демонстрацией словесного искусства. Одной из важных функций дразнилок является утверждение норм поведения в группе и пресечение отклонений от них (дразнилки против ябед, жадин и т. д.). Однако, видимо, наиболее значимы дразнилки как способ испытания «социальной прочности» члена группы, особенно новичка, его умения постоять за себя. Реакция на дразнилку может быть неадекватной (заплакать, пожаловаться, кинуться в драку), что уменьшает возможности завоевания ребенком высокого статуса в детской группе, а может соответствовать ситуации, когда обиженный отвечает, унижая противника словесно. Тем самым он демонстрирует знание правил детской традиции и хорошие социальные умения, дает понять, что он свой, что его можно признать и принять.

Детский фольклор предоставляет ребенку разнообразные средства общения в зависимости от его возраста и коммуникативных потребностей, а потому долго сохраняет свое значение как механизм социального взаимодействия детей. «Формульность» дразнилок, поддевок, песенок, считалок как нельзя лучше соответствует интеллектуальным и вербальным возможностям младших детей, в то же время среди детей 10—11 лет уже считается «неприличным» серьезно выкрикивать дразнилку, это рассматривается как признак инфантилизма. В общении детей 8—12 лет все большую роль играют прозаические жанры детского фольклора — анекдоты, «страшные» рассказы («страшилки», былички, фабулаты). В этом возрасте у ребенка формируются навыки рассказчика: умение ориентироваться на слушателей (еще недоступное дошкольникам), удерживать их внимание, эмоционально захватывать, что обеспечивает удовлетворение растущей потребности в более интимном и глубоком общении. Так, рассказывание «страшных» историй оказывается и развлечением, и способом выйти за рамки рутинной обыденности, прикоснуться к необычному и непонятному миру. Оно имеет одновременно проективный и психотерапевтический эффект, позволяя освобождаться от личных страхов в социально приемлемой форме, давая возможность изживать чувство страха в заведомо безопасной обстановке, когда ребенок ощущает присутствие и поддержку других детей²⁴. Совместное переживание сильных ощущений способствует эмоциональной сплоченности группы, усиливает чувство единения перед лицом иллюзорной опасности. Рассказчик «страшных» историй чувствует себя во время повествования эмоциональным лидером группы, способным и напугать, и позабавить.

Регуляторная функция детского фольклора лишь условно может быть отделена от коммуникативной. Игровая группа часто состоит из детей разного пола и возраста, с разными характерами и для того, чтобы могла осуществляться совместная деятельность, например обычная игра в прятки, группа должна иметь механизмы самоорганизации. Одним из внутренних регуляторов жизни группы является детский фольклор, тексты которого используются детьми для утверждения групповых норм, санкций против отклоняющегося поведения, налаживания взаимоотноше-

²² Virtanen L. Children's Lore.

²³ Мельников М. Н. Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. книжн. изд-во, 1970.

²⁴ Гречина О. Н., Осорина М. В. Указ. раб., с. 96—106.

ний мальчиков и девочек, для выбора игр, распределения ролей в игре и соблюдения ее правил, для регуляции отношений группы с окружающим миром, в частности с миром взрослых. Так, употребление считалки в качестве объективного и справедливого способа выбора водящего служит для младших детей одним из первых уроков в осознании необходимости иногда независимо от своего желания принимать на себя в группе роли и подчиняться общим правилам.

Итак, рассматривая детский фольклор как язык детской «субкультуры», можно предложить следующее определение: *детский фольклор* является формой коллективного творчества детей, реализуемого и закрепляемого в системе устойчивых текстов, которые передаются непосредственно от поколения к поколению детей и имеют важное значение в регулировании их игровой и коммуникативной деятельности.

Возникает вопрос: какими возрастными рамками ограничивается понятие «детский» фольклор? Можно предположить, что время, когда в репертуаре детей появляются фольклорные тексты определенных жанров, зависит от возраста ребенка и связанного с ним уровня его психического развития, а также от степени его социальной зрелости, которая опосредуется многими факторами: это, с одной стороны, различные институты социализации, основанные на возрастном принципе (детский сад, школа) и формально обеспечивающие пребывание ребенка в среде сверстников; с другой стороны, еще большее значение имеет опыт активного участия ребенка в спонтанно складывающихся преимущественно игровых детских группах (во дворе, в деревне, на даче, в пионерском лагере, санатории и т. п.). Наблюдения показывают, например, что в детских садах дети начинают использовать считалки перед началом игры между 5 и 6 годами. Этот интереснейший вопрос требует обязательного экспериментального исследования, поскольку разные фольклорные жанры входят в репертуар детей постепенно, а отдельные возрастные периоды характеризуются своеобразным жанровым составом с различным удельным весом текстов определенного вида. Расцвет детского репертуара приходится на период наиболее интенсивной жизни спонтанных детских групп от 7—8 до 12—13 лет. У подростков хотя и постепенно, но заметно меняется как жанровый состав, так и функции и способ передачи фольклорных текстов: к этому возрасту уже давно и абсолютно исчезли дразилка, считалка (старшие считаются обычно «по-морскому», поднимая несколько пальцев), постепенно вырождается и отмирает страшилка, хотя продолжают существовать и эволюционировать в новые формы анекдоты, разные виды «черного» юмора, шутки, загадки (словесные и рисуночные), «секреты», песни и пародии, «страшные» рассказы в виде фабулатов и меморатов, былички (очень разные в городе и в деревне), большой интерес проявляется к различным формам игровой магии, гаданиям и приметам. Все эти тексты передаются не только устно, но и очень широко — письменно, через так называемые «песенники» и «гадалки», расширяющие аудиторию, способствующие активному обмену информацией такого рода между городом и деревней. Складывается совершенно новая система подросткового коллективного творчества, которую, видимо, надо отличать от детского фольклора.

Говорить о носителях детского фольклора нужно не только с точки зрения их возраста, но и половой принадлежности, поскольку в рамках детской субкультуры сосуществуют отчетливо выраженные традиции девочек и мальчиков, которые сейчас привлекают большой интерес исследователей²⁵.

Важнейшим фактором, способствующим существованию детской традиции и детского фольклора как ее объективного выражения, является их действительная функциональная необходимость для жизни детских сообществ. Детский фольклор оказывается живым и в том смысле, что продолжает передаваться непосредственно от поколения к поколению

²⁵ Virtanen L. Boys and Girls in a Game-Starting Situation.— Studia Fennica 18, Helsinki, 1974.

детей, буквально из уст в уста. Такая передача происходит обычно в условиях неформального общения, когда групповые взаимоотношения строятся на основе *совместной игровой деятельности, забав, развлечений*, а для этого нужны определенные условия: наличие детей, свободного времени, которое они могут проводить вместе, и территории, где они будут встречаться и играть. В современном урбанизированном обществе поиск места для детей становится настоящей проблемой, весьма сложной на уровне обыденной жизни. В последнее время эта проблема стала активно изучаться в рамках так называемой социальной экологии и психологии окружающей среды, так как оказалась значимой для понимания процессов социализации ребенка. Экспериментальные работы в этой области показывают, на наш взгляд, необходимость рассмотрения жизни детской традиции и фольклора не только во времени, но и в пространстве.

Групповые детские игры «с правилами», дающие ребенку наиболее ценный опыт совместной деятельности и общения, происходят всегда на открытом воздухе: во дворе, на улице, на пустыре и т. п. Невозможность активно использовать пространство вне дома приводит детей не только к неподвижности и физическому отставанию, но, что еще важнее, ограничивает свободное, спонтанное, неформальное общение со сверстниками, что ведет к социальному недоразвитию, в свою очередь, отрицательно сказывающемуся и на детской традиции²⁶. Здесь оказались значимыми факторы, на которые раньше вообще не обращалось внимания: этажность домов (опросы показали, что, чем выше живет семья, тем менее охотно матери пускают своих детей одних играть на улице²⁷), наличие дворов, которые оказываются наиболее предпочтительным местом групповых игр, замкнутость — разомкнутость городского пространства (дети не любят больших, открытых и пустых пространств, какими часто бывают «детские площадки» в новых районах), величина территории, доступной для детей (что препятствует или способствует выбору определенных игр — на пришкольной площадке хорошо играть в пятнашки, но невозможно — в прятки, постоянная пространственная стесненность и ограничения взрослых приводят к деградации игрового репертуара детей), наличие укромных мест и уголков, неподнадзорных взрослым, где может собираться детская компания, делиться новостями, рассказывать анекдоты или «страшные» истории.

Исследования «феноменального ландшафта» детей²⁸ — образа окружающей среды, деятельностно осваиваемой и эмоционально переживаемой ребенком, показали, что его описание может базироваться на трех основных понятиях²⁹.

Это протяженность территории — часть местности, коллективно осваиваемой детьми в процессе игр, различных занятий и совместных прогулок. Она характеризуется определенной широтой границ и разнообразием значимых для детей предметных элементов (строения, заборы, деревья, места купания, игровые площадки и т. п.). В возрасте от 6 до 9 лет дети резко увеличивают освоенную ими территорию, причем мальчики, движимые исследовательским интересом, делают это гораздо активнее девочек.

Пути — сеть проходов, дорог, тротуаров, тропинок, по которым происходит продвижение и освоение «территории» и которые соединяют «места».

Место — наименьшая пространственная единица, аффективно окрашенный локус пространства, с которым связаны значимые и глубокие переживания. Оно характеризуется личностной привязанностью, вклю-

²⁶ Parke R. D. Children's Home Environment.— In: Children and Environment, 1979. V. 3, P. 33—81.

²⁷ Marcus C. C. Children's Play Behavior in a Low Rise Inner-City Housing Development.— In: Man-Environment Interactions: Evaluations and Applications/Ed. Carson D. V. 12. Childhood City. Milwaukee, 1974.

²⁸ Hart R. Children's Experience of Place: a Developmental Study. N. Y.: Irvington Press, 1978.

²⁹ Moore D., Young D. Childhood Outdoors: Toward a Social Ecology of the Landscape.— In: Children and Environment, 1979, V. 3, P. 83—130.

ченностью, интимностью общения. Это может быть место встреч, уединения, «страшное», «сакральное» место и т. п. Наличие таких мест чрезвычайно важно для жизни детской традиции, так как они являются, видимо, теми точками в окружающей среде, где эта традиция концентрируется. Места, где дети встречаются, переживаются ими как их собственная территория, выделенная из большого и не всегда уютного для детей мира взрослых. Характерное для детской традиции стремление к самоопределению и обереганию себя от прямого вмешательства взрослых проявляется здесь и в чисто пространственном обособлении. В связи с этим интересно отметить, что дети выбирают для своих постоянных встреч чаще всего места, относительно удаленные и пренебрегаемые, на которые взрослые не предъявляют прав, — пустыри, свалки, строящиеся или заброшенные дома и т. д. Кроме того, стремление детей сконструировать себе особый игровой мир, необычный, не подчиняющийся рутине ежедневной жизни, заставляет их искать места, отмеченные печатью таинственности и обеспечивающие приватность, интимность общения. Поэтому наиболее «ценным» местом оказывается для детей все укромное: чердак (вспомним Тимура и его команду), подвал, сарай, пещера и т. п. С этим связана и навязчивая тяга детей младшего школьного возраста к строительству домиков, шалашей, всевозможных укрытий.

С разными типами мест, облюбованных детской компанией, связаны и различные проявления детской традиции, в частности исполнение различных жанров детского фольклора. Так, по нашим наблюдениям, дети из с. Барышская Слобода (Ульяновская обл., 1981 г.) несколько раз за лето ходят ночью на кладбище слушать страшные истории, однако рассказывают там только былички, поскольку страшилки, называемые ими «страшный анекдот», считаются жанром более низким и не подходящим для такого «сакрального» места.

Можно полагать, что некоторые элементы детской традиции специально направлены на то, чтобы ребенок мог эмоционально освоить определенную территорию, расставив на ней индивидуальные символические метки. С этой точки зрения можно объяснить функциональное значение широко распространенных среди русских детей так называемых «секретов». «Секрет» — это небольшая ямка в земле, дно которой выкладывается разноцветными бумажками, фантиками, стеклышками, сверху она накрывается стеклом и засыпается землей. Делается это, по словам детей, «для интереса», «чтоб показывать другим». Городские дети располагают «секреты» обычно под скамейками в скверах, у стены дома, у забора, в малопосещаемых местах. Каждый ребенок делает несколько «секретов», местоположение которых известно только ему. «Секрет» иногда показывается близким друзьям и спясть закрывается.

Поскольку проявления детской традиции зависят от наличия внешних условий и связаны с определенными точками окружающей среды, при записывании детского фольклора полезно ориентироваться именно на «места», где наиболее активно реализуются различные формы детской коллективной жизни. Поэтому метод включенного наблюдения и записи, благодаря которому можно рассмотреть изнутри жизнь детской ватаги, является чрезвычайно важным. Он позволяет исследовать такие стороны коллективного творчества детей, которые обычно ускользают при записывании фольклора от отдельного ребенка и тем более при массовых анонимных письменных опросах, сейчас широко практикуемых и дающих, конечно, ценный статистический материал³⁰. Изучение традиций и репертуара спонтанных дворовых, игровых детских групп достаточно трудно осуществимо во многих отношениях, в частности потому, что их жизнь разворачивается во времени и пространстве сложной многомерной предметно-социо-психологической среды. В связи с этим интересной экспериментальной моделью для исследователя оказываются группы детей, вынужденные постоянно пребывать вместе на ограниченной территории (больничная палата, спальня санатория, интерната, пио-

³⁰ См. *Осорина М. В.* Рецензия на книгу Л. Виртанен «Детский фольклор». — *Сов. этнография*, 1979, № 5, с. 175—177.

нерского лагеря и т. п.) и имеющие много свободного времени для неформального общения. Образованная по формальному признаку (например, очередной заезд в санаторий), такая группа начинает активно структурироваться, общаться, играть, развлекаться, и в течение короткого времени ее члены полностью обмениваются своим фольклорным репертуаром. Многие дети считают пребывание в подобного рода группах основным источником пополнения их фольклорных знаний.

Описание детского фольклора как предмета исследований не будет исчерпывающим, если представить его только как феномен детской субкультуры, поскольку он существует одновременно и в социальном пространстве и времени мира взрослых. Здесь интересно рассмотреть, с одной стороны, связь детского фольклора с традиционной культурой и фольклором взрослых, с другой стороны, влияние, которое оказывают на него современные средства массовых коммуникаций (радио, телевидение, мульт- и кинофильмы, грамзаписи и т. д.).

Генетические взаимосвязи детского фольклора с традиционным фольклором взрослых многообразны и составляют особую большую тему. Отметим лишь несколько существенных моментов. Изменение роли традиционного фольклора в жизни современного общества, постепенное исчезновение многих обрядов, участниками которых были также и дети, изменение структуры семьи, взаимоотношений между поколениями, значительная отделенность детей от близких взрослых, связанная с тем, что основную часть времени ребенок проводит сейчас в учреждениях общественного воспитания, и другие социальные процессы приводят к большему обособлению детской традиции от фольклора взрослых. При этом отдельные пласты традиционного фольклора продолжают существовать в репертуаре детей, если живет обряд (колядки), или сохраняются в законсервированном виде на периферии детской традиции, как стало с закличками. Некоторые элементы традиционной культуры взрослых, постепенно исчезая из обихода старших, переходят к детям, активно перерабатываются детской фантазией и приобретают новые специфические черты и функции в детской традиции, как это случилось с гаданиями, «вызываниями» (гномов, Пиковой дамы, чертика, привидений, духов и т. п.) и некоторыми другими видами игровых «магических» действий. Представляют интерес и взаимоотношения детского фольклора с современным городским фольклором взрослых. Так, источник некоторых видов «черного юмора», одинаково популярного и у взрослых и среди детей, можно искать в фольклоре подростков.

Движение детского фольклора во времени происходит очень быстро, так как поколения детей сменяются в течение нескольких лет, причем внешние условия, особенно в городе, обычно не благоприятствуют передаче текстов от старших к младшим и взрослые ее не поощряют. Можно было бы ожидать большой жанровой изменчивости, вариативности текстов, однако в действительности детский фольклор обладает определенным иммунитетом ко всему инородному и системой своеобразных «фильтров», пропускающих то, что можно ассимилировать. Мы уже отмечали, что детская традиция имеет механизмы самосохранения, детский фольклор как форма ее объективации, как ее язык, видимо, является основным стабилизатором этой традиции, позволяющим сохранять некоторые тексты на протяжении столетий. Будучи сложной и живой системой, детский фольклор имеет компоненты более стабильные и более изменчивые. Это хорошо видно на примере влияния массовых коммуникаций: наибольший отклик у русских детей они находят в подвижных и «легких» жанрах анекдотов, шуток, пародий, где периодически появляются новые персонажи, в основном заимствованные из мультфильмов (крокодил Гена и Чебурашка, Заяц и Волк, Карлсон и т. д.) и кинокомедий (Никулин, Вицын, Моргунов и т. д.). Ситуация оказывается различной для детей разных культур и зависит от того, какие передачи средств массовой коммуникации ориентированы на детей или доступны детям.

Для реальной жизни детского фольклора имеет значение и отношение к нему со стороны взрослых. Оно проявляется в разных формах: в

том, как относится взрослый к исполнению детьми отдельных жанров детского фольклора (безразличен, разрешает, запрещает), участвует ли сам в передаче текстов, проявляет ли интерес к детской традиции, стараясь понять мир детей. Для педагогического сознания долгое время было характерно настороженное отношение к детскому фольклору как к низкой, «уличной» забаве, в детских садах разрешалось использовать только книжные считалки, такой вид «страшных» рассказов, как страшилки, был потаенным жанром, и в передаче этих текстов взрослые практически не участвовали. Сейчас положение стало меняться, причем заметную роль, видимо, играет сезонное привлечение к воспитанию детей большого числа непрофессиональных педагогов (студентов, молодых рабочих и служащих) в качестве вожатых в летних лагерях. По возрасту они часто ненамного старше своих воспитанников, а их менее жесткие нормативно-педагогические установки позволяют им даже самим принимать участие в исполнении детского фольклора.

Рассматривая детский фольклор как предмет изучения, мы попытались определить его место в культурной среде и существенные черты через систему психологических, пространственно-временных и социальных координат. Сложность и многообразие этого предмета позволяет выделить в нем аспекты, находящиеся в компетенции разных наук.

Рассмотрение взаимосвязей детского фольклора с традиционным и современным фольклором взрослых, исследование генезиса и тенденций в развитии жанров, текстологический анализ, изучение поэтики коллективного детского творчества и другие фольклористические проблемы составляют один из этих аспектов. Он может быть дополнен экспериментально-психологическими исследованиями функциональной роли фольклора (коммуникативной, регуляторной, информационной, психотерапевтической, проективной и т. п.) в жизни детских сообществ, половозрастных детерминант детской традиции, личностных особенностей детей-рассказчиков, влияющих на их репертуар, и статуса этих детей в группе, а также изучением того, как отражаются в детском фольклоре особенности детской психологии (специфика образной системы, основная проблематика, логика мышления, моральные суждения, юмор и страхи, связь с другими видами детского творчества). Большой интерес представляли бы социологические исследования жизни детского фольклора в современном городе и в деревне, его региональной трансмиссии, влиянии средовых факторов, средств массовой коммуникации, педагогических установок и т. п. на существование детской субкультуры. Этнографические исследования детской традиции в разных этнических средах дали бы ценный материал для выявления культурно-специфических и универсальных черт социализации детей среди сверстников.

В. Т. Соколов

**ГОРОДСКИЕ РАБЫ И ИХ СЕМЬЯ НА ЮГЕ США.
1830—1860 гг.**

Рабство негров в США с самого своего возникновения было не только сельским, плантационным, но и городским. Существовало оно в городах как Севера, так и Юга, где проживало значительное число черных рабов. После отмены рабовладения на Севере в конце XVIII — начале XIX в. в городах Юга, как и на всем Юге, рабство сохранялось вплоть до гражданской войны 1861—1865 гг.

Городское рабство в США — малоизученное явление. В советской историографии работ, посвященных исследованию жизни городских рабов и тем более их семейно-брачных отношений, нет вообще. В данной статье автор попытался охарактеризовать положение рабов южноамериканского города, их труд и быт, семейные и межрасовые отношения.